

Матрас на огромной отельной кровати оказался на редкость качественным и упругим. Пружины подбросили их с Сукуной пару раз, когда они рухнули на постель. Оказавшись прижатым к простыням тяжелым, точно каменная глыба, телом Проклятия, Харе первым делом уставился ему в лицо:

— Ты не пьян?

Сукуна ткнулся лицом ему в шею, оставляя влажные поцелуи. Его дыхание пахло сладковатым рисовым вином. Он медленно покачал головой:

— Пьян.

Отвечал он связно, да и голос звучал вполне буднично, разве что кожа была неестественно горячей — в местах, где их тела соприкасались, Харе обжигало сухим жаром.

— Что-то не похоже... — засомневался юноша.

Сукуна не ответил, по-прежнему пряча лицо. Он действительно был пьян, но хмель лишь слегка замедлял его реакции. Впрочем, яд в его организме распадался мгновенно — еще немного, и алкоголь полностью выветрится. Он прекратил пить только потому, что соревноваться в хвостовстве с остальными внезапно показалось ему глупой затеей. Куда приятнее было остаться наедине с этим несносным мальчишкой.

Не дождавшись ответа, Харе нерешительно обнял Сукуну за плечи и слегка похлопал по спине:

— Эй... Ты что, уснул?

Навалившийся сверху Король Проклятий не шевелился, у самого уха Харе раздавалось лишь его ровное, глубокое дыхание.

«Неужели и правда отрубился? Надо же, какой тихий во хмелю...»

— Надо же, не ожидал от тебя такой кротости, — тихо прыснул Харе.

Осознав, что грозный противник спит, он осмелел. Его пальцы скользнули по рельефным мышцам спины, затем зарылись в жесткие волосы на затылке. Вторая рука опустилась ниже, бесцеремонно ощупывая бедро Проклятия.

— И на чем ты только вырос? — прошептал он. — В детстве ведь был сущим заморышем, злющим и тощим.

Это казалось невероятным: жалкий некогда приемыш превратился в настоящего исполина с литыми, бугрящимися мышцами. Харе сравнил его тело со своими предплечьями и раздосадованно цокнул языком.

Сам он вовсе не был слабаком — подтянутый, жилистый, пусть и похудел из-за бесконечных скитаний по чужим мирам. Но рядом с этим чудовищем он казался хрупким.

— Издевательство какое-то, — недовольно проворчал Харе и, поддавшись завистливому любопытству, запустил ладонь под подол его юката, чтобы ощупать порельефнее.

Прохладные пальцы скользили по разгоряченной коже, оставляя за собой дорожки обжигающего жара. Сукуна, который и не думал спать, замер.

«Он что... заигрывает со мной?»

До конца не уверенный в намерениях мальчишки, он решил притвориться спящим, чтобы послушать его болтовню.

Харе, увлеченный исследованием чужого тела, ни о чем не подозревал.

— Из-за тебя я лишился той чудесной перламутровой ракушки, — тихо ворчал он, продолжая гладить напряженное плечо. — Но ладно. Раз уж ты такой смирный, когда напьешься, я проявлю великодушие и прощу тебя. Вот бы ты еще умел плакать... Хотел бы я посмотреть, как Великий Сукуна проливает слезы. Был бы номер.

Сам Харе начинал реветь от любого сильного потрясения — слезы лились сами собой, сколько бы он ни сдерживался. И то, что перед этим чудовищем он столько раз представлял зарёванным, казалось ему вопиющей несправедливостью.

Он попытался представить, как доводит Короля Проклятий до слез, но воображение пасовало. Тем временем навалившаяся туша мешала дышать. Харе уперся ладонями в широкую грудь и попытался спихнуть его с себя. Тщетно — Сукуна не сдвинулся ни на миллиметр.

— Слез бы с меня сначала, — со вздохом пробормотал Харе. — Тоже мне, нашел диванную подушку...

Сукуна слушал его бормотание, хмелея от вкрадчивого, мягкого голоса. Прохладное, тонкое тело под ним казалось невероятно нежным.

Внутри закипала глухая, собственническая ярость. Ему хотелось целовать этого мальчишку до крови, сжимать в тисках объятий, кусать за плечи, взять его грубо и обладать без остатка. Сделать так, чтобы Харе забыл обо всем на свете, кроме него. Чтобы кричал его имя, извиваясь от изнеможения, и захлебывался слезами, не в силах вынести натиска.

А главное — никогда, ни на мгновение его не отпускать.

— Харе, — Сукуна резко приподнялся на локтях.

Его взгляд, тяжелый и лихорадочный, впился в лицо юноши. Голос прозвучал пугающе трезво — и он впервые назвал его по имени, а не привычным «недоразумением» или еще какой-нибудь издевкой.

Приглушенный свет ночника выхватил из темноты его хищное, предельно сосредоточенное лицо. Харе смутился и убрал руки:

— Так ты... не спал?

«Да с какой стати мне робеть? — тут же подумал он, упрямо вздернув подбородок. — Подумаешь, потрогал немного! Он-то вытворяет со мной вещи и похуже».

Харе смело посмотрел прямо в багровые глаза:

— Ну и чего уставился?

— Свидетельство о регистрации брака.

—...

Надо же, до сих пор не забыл. Харе едва сдержал улыбку — упрямство Сукуны выдавало в нем капризного ребенка, требующего свою игрушку. Значит, все-таки пьян.

Губы Харе невольно дрогнули. Он уже собирался отшутиться, как вдруг Проклятие подался вперед и коротко прижался к его губам:

— Бумажка мне больше не нужна.

— Что? — изумился Харе. Мысли у пьяного Короля Проклятий сменяли одна другую с поразительной скоростью.

Пока он пытался осмыслить услышанное, Сукуна поцеловал его в закрытые веки, заставляя зажмуриться, и прошептал прямо в лицо:

— Давай заключим брачный обет.

В темноте за закрытыми глазами Харе вновь уловил смутные очертания духовной силы Сукуны. Перед мысленным взором пронеслись картины из далекой эпохи Хэйан.

Сердце предательски заколотилось — глухо, гулко, словно далекие раскаты грома перед бурей.

Дыхание перехватило, в горле мгновенно пересохло.

— Что это... за обет? — еле слышно спросил он.

— Особая «связующая клятва». Те, кто ее принес, смогут отыскать друг друга и явиться на зов, где бы они ни находились, — тихо, но удивительно серьезно объяснил Сукуна. — Я подумал... Бумага тленна. Она рвется, гниет и покрывается пылью. Обет же вечен. Я буду хранить тебя, малец. Отныне ты вправе требовать от меня всего, что пожелаешь.

— Замолчи... — Харе испугался той колоссальной тяжести, что крылась за этими словами. В голове воцарился полнейший сумбур.

Он попытался оборвать Сукуну, но тот упрямо продолжал:

— Но и я заберу тебя без остатка. Твоя ноша станет моей. Разве ты не хотел приручить меня, сделать своим домашним зверем? Этот ошейник крепче любого другого. Или ты только языком горазд молоть, а запереть меня в клетке собственного сердца тебе не под силу? Ну же... Неужели ты трусил?

— Ничего я не трусил! — уязвленный за живое, Харе резко распахнул глаза.

И наткнулся на торжествующий взгляд. Четыре багровых ока тлели во тьме, точно угли хищника, загнавшего добычу в угол. Стоило Харе выдать себя, как лицо Проклятия исказила издевательская, хищная ухмылка победителя, просчитавшего каждый шаг своего противника.

— Боишься, — вынес он вердикт, не терпящий возражений.

Под этим взглядом Харе почувствовал себя беззащитным, словно его выставили нагим на мороз. Он нахмурился и упрямо выдавил:

— Нет...

Но голос его дрогнул, растеряв былую уверенность.

Сукуна положил тяжелую ладонь ему на грудь, прямо над бешено бьющимся сердцем, и тихо произнес:

— Не отпирайся, малец. Ты наконец познал любовь — и до смерти перепуган.

Он выдержал паузу, не сводя с него глаз:

— Потому что полюбил меня.

В его родном мире Сукуна слыл кровожадным монстром, безумным палачом. Но Королю Проклятий было плевать на людскую мораль, законы и суждения.

— Ты будешь моим, — отрезал он.

— Ты... — Харе лихорадочно вздохнул.

Припертый к стене, лишенный путей к отступлению, он мог лишь обреченно выдохнуть накопившийся в легких воздух.

Как же бесило, что все вокруг вечно оказывались умнее его и с легкостью читали его потаенные мысли.

Харе обиженно надулся, приподнялся на постели и уставился на смятую простыню. В его тихом голосе слышались слезы:

— Хватит надо мной издеваться...

Он выглядел совершенно побежденным — покорно опустил голову, тихий, беззащитный и невыразимо трогательный в своей растерянности.

В груди Сукуны что-то болезненно и сладостно сжалось. Это незнакомое, щемящее чувство заполнило все его существо без остатка. Оцепенение сменилось осознанием: вот оно, то самое счастье, о котором толкуют глупые смертные. И ради него он готов самолично спуститься в преисподнюю.

Тысячелетнее величие рассыпалось в прах перед этим хрупким созданием. Словно вся его вечность была лишь затянувшимся ожиданием этой минуты.

Губы Сукуны расплылись в ленивой, привычной усмешке:

— Ну, тут уж как пойдет...

Он мягко приподнял лицо Харе за подбородок. Поймав его затравленный, полный тревоги взгляд, Проклятие тихо выдохнул:

— Я ведь в точности как ты, малец.

— В каком смысле? — Харе наморщил нос, силясь вспомнить, когда это он успел обидеть столь грозное существо.

— Я тоже... благодаря тебе узнал, что это такое.

Харе растерялся. Неожиданная нежность в голосе Сукуны застала его врасплох, но где-то глубоко внутри отозвалась робким облегчением.

Сукуна придвинулся ближе, его горячее дыхание коснулось губ юноши:

— Так каков твой ответ?

Окинавский океанариум

В залах Окинавского океанариума близился час закрытия. Немногочисленные посетители лениво тянулись к выходу. Перед огромным панорамным стеклом, за которым медленно кружили китовые акулы, застыла хрупкая фигура в белом платье.

Синеватые отблески воды ложились на ее плечи колеблющимися узорами, делая силуэт девушки зыбким и призрачным. Чуть поодаль стояла Куросаки, не сводя с нее преданного взгляда.

За их спинами держались двое рослых, симпатичных юношей в кричащих гавайских рубашках. Промучившись весь день в роли безмолвных телохранителей, теперь, когда залы опустели, они наконец могли спокойно поглазеть на проплывающих мимо скатов и рыб.

У соседнего смотрового окна, в густой тени колонны, притаились еще двое.

— Ну что, нагляделся? Можем уходить? — с напускным дружелюбием спросил мужчина со шрамом от швов на лбу. На его губах играла улыбка, но в голосе сквозило раздражение.

Оказавшись в этом мире по воле стоявшего рядом Харе, Кэндзяку сразу почуял неладное: тело налилось свинцом, а высвободить проклятую энергию с каждым часом становилось все труднее.

Причину он понимал прекрасно — чужаков здешнее мироздание не жаловало. Впрочем, мотивы его спутника тоже не были секретом. Харе использовал его врожденную технику Манипуляции проклятыми духами лишь для того, чтобы водить за нос темных деревенских жителей и без помех возвращать проклятых духов на чужой слепой вере.

Осознание этого факта уязвляло гордость древнего шамана. Его банально использовали. Если так пойдет и дальше, он испустит дух гораздо раньше своего «нанимателя».

И надо же было этому сопляку в такой критический момент потащиться через всю префектуру, чтобы тайком поглазеть на родителей! Кэндзяку мысленно кривился от презрения, но покорно следовал за юношей, видя, как тот слабеет на глазах.

Шаман давно припас смертоносный яд, способный полностью парализовать чужие каналы проклятой энергии. Сегодняшняя ночь должна была стать последней для Харе: Кэндзяку намеревался прибрать его тело к рукам.

«Считай это прощальным подарком», — цинично думал он, восхищаясь собственным великодушием.

Его сладкие грезы прервал резкий рывок спутника. Парень в нахлобученной на лоб бейсболке внезапно развернулся на каблуках:

— Нас засекли! Уходим!

Стремительное движение подняло легкий ветерок, взметнувший пряди длинных белоснежных волос. Тонкий силуэт юноши был скрыт под глухой одеждой, лицо закрывала маска, а руки — перчатки. Лишь на бледной шее виднелись уродливые, багровые рубцы от содранной кожи.

Эта плоть когда-то служила связующим звеном с утробой проклятого духа, и никакое пожирание чужих проклятий не могло исцелить эти страшные отметины.

Кэндзяку не стал спорить. Он слишком хорошо знал, на что способны «Шесть глаз» клана Годжо.

Они рванули к служебному выходу. Шаман уже собирался высказать все, что думает об этой спешке, как вдруг бегущий впереди Харе резко затормозил, развернулся и, вскинув сложенные пальцы, насмешливо прищурился.

Из рукава юноши выскользнуло уродливое проклятие. В воздухе оно мгновенно распласталось, превратившись в широкую полупрозрачную мембрану, испещренную багровыми рунами барьера. Путь назад был отрезан.

Упершись взглядом в преграду, Кэндзяку побелел от ярости:

— Ты... ублюдок, подстроил это?!

— Я слишком хорошо чую чужую гниль, — Харе безмятежно улыбнулся из-за защитного

экрана и помахал ему ладонью в перчатке. — Все ловушки расставлены, дела закончены. Твоя роль сыграна, Кэндзяку. Прощай.

— Паршивец! — прошипел сквозь зубы древний проклинатель. Привыкший сам водить всех вокруг пальца, он едва справлялся с удушающей злостью. Но справившись с собой, он вдруг глухо расхохотался: — Думаешь, я не выберусь? Не боишься, что я выложу им всю подноготную о твоих делишках?!

— Плевать. Скоро меня здесь не будет, — отозвался Харе.

Именно ради этого он притащил Кэндзяку прямо к своим родителям — Гето Сугуру и Годжо Сатору. Позволить им собственноручно прикончить тварь, которая в будущем осквернит тело мамы Гето, казалось ему высшей справедливостью.

А когда он уйдет, законы пространственно-временного континуума сделают свое дело. Мир бесследно сотрет любые упоминания о нем из памяти Кэндзяку и его родителей. Тот, кого не существовало, не может быть предан.

Защитная печать должна была развеяться через несколько минут. Харе развернулся, чтобы скрыться в лабиринтах переходов, но позади раздался резкий хлопок.

Прогремел сокрушительный удар. Барьер разлетелся в пыль. Кэндзяку с глухим стоном повалился на кафельный пол — настигший его Годжо Сатору одним выверенным движением заломил ему руки за спину, намертво прижав к земле.

Удерживая пленника коленями, Годжо небрежно прижимал плечом к уху сотовый телефон. Но когда он вскинул голову и его взгляд из-под темных очков скрестился с замершим неподалеку Харе, молодой маг внезапно замолчал.

<http://bllate.org/book/19043/2005264>